

Непревзойдённый Спящая Каракатица

ВАДИМ ПАНОВ

Непревзойденные

Вадим Панов

Ириска и Спящая Каракатица

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панов В. Ю.

Ириска и Спящая Каракатица / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим», 2017 — (Непревзойденные)

ISBN 978-5-699-94689-1

Не было в океанах Прелести места страшнее, чем остров Спящей Каракатицы. И не было моряка, который бы согласился отправиться в море Беспощадности. Не было до тех пор, пока знаменитый пират Уне-Муне Грог не встретился с загадочной ведьмой и не получил предложение, от которого не смог отказаться. Так началась цепь удивительных и опасных приключений, которая закончилась пробуждением древнего зла и отчаянным сражением на острове Непревзойдённых. Приключения Ириски продолжаются! Враги не дремлют и готовы на всё, чтобы уничтожить последнюю фею великого Двора.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94689-1

© Панов В. Ю., 2017
© Эксмо, 2017
© Панов Вадим, 2017

Содержание

Пролог	7
Глава I	13
Глава II	20
Глава III	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вадим Панов

Ириска и Спящая Каракатица

© Панов В. Ю., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

«Этот мир находится так далеко, что до него невозможно добраться. Дорогу в него легко позабыть, и тогда Самоцветный Ключ обратится в заурядное украшение.

Этот мир находится так близко, что к нему можно прикоснуться рукой и часто мы, сами того не замечая, проходим через него. Дотрагиваемся до настоящего, живого Волшебства и улыбаемся. Потому что нам становится тепло и радостно. Потому что этот мир – Прелесть...»

КНИГА ФЕЙ

Пролог

в котором капитан Двойной Грог

встречается с таинственным незнакомцем

Прелесть прекрасна.

И невероятно огромна.

Настолько огромна, что от края до края мира можно идти бесконечно – так шутят опытные путешественники.

На западе волшебный мир простирается до Закатного Рубежа, отделяющего Прелесть от Плесени, но не заканчивается, а уходит дальше, за безбрежное море, к острову Ацлан, удивительной стране Тауантин и другим землям, которые до сих пор именуют Новыми. А на востоке самый большой материк заканчивается великой пустыней Го, способной вместить в себя целый мир, а за ней начинается океан, украшенный россыпью прекрасных островов. На севере Прелесть бьются о суровые ледяные скалы волны Хладного моря, а далеко-далеко на юге раскинулись благодатные страны, в которых никогда не заканчивается лето.

Ужане торговали диковинными специями, острыми и пахучими, ароматным чаем, зелёным и чёрным, тончайшими тканями, редкими фруктами, розовым деревом, драгоценными камнями и множеством других товаров, которые охотно покупали жители северных стран.

Торговля процветала, но богатые купеческие караваны привлекали всех разбойников Прелести, и южные моря волшебного мира кишмя кишели пиратами, самым известным из которых считался капитан Уне-Муне Грог по прозвищу Двойной Грог – дерзкий, решительный и храбрый шмызл, которого уважали все джентльмены удачи Прелести.

За поимку Уне-Муне была объявлена колоссальная награда в десять тысяч золотых лилий, за ним гонялись корабли всех флотов всех южных стран, но Грог ловко ускользал от преследователей, дерзко смеялся над их потугами, выставлял дураками и продолжал бесчинствовать, наводя на купцов тоску и ужас.

Чтобы не попасться, Двойной был вынужден без устали плавать по Океану, нигде не задерживаясь и постоянно меняя курс. И лишь в одном-единственном месте Уне-Муне чувствовал себя в относительной безопасности: в порту Каракурта, что находился на обширном одноимённом острове, раскинувшемся в самом центре моря Обломков. Странное название объяснялось тем, что в этой части Океана было разбросано бесчисленное множество мелких каменистых островов и скал, в том числе – подводных, подлю прячущихся под самой водной гладью. Через море Обломков пролегал запутанный, постоянно меняющийся фарватер¹, и провести корабли к острову могли только потомственные лоцманы² из семьи Каваччи, глава которой правил на Каракурте.

А Каваччи жаловали пиратов, которых в других местах ожидали лишь тюрьма или верёвка.

А ещё говорили, что море Обломков давным-давно заколдовано, и разбойникам потому удавалось беспрепятственно по нему ходить, что древнее заклятие благоволило бесчестным пиратам...

Но правда это или нет, доподлинно сказать никто не мог.

Зато все джентльмены удачи твёрдо знали, что на Каракурте их ждали с нетерпением и встречали с распростёртыми объятиями: позволяли пополнять запасы воды, продовольствия

¹ Безопасный, то есть достаточно глубокий и беспрепятственный проход по водному пространству (реке, озеру, морю, проливу и так далее).

² Моряк, хорошо знающий местные берега и фарватер и проводящий по нему суда.

и огненного зелья, скупали награбленное и помогали ремонтировать корабли. На Каракурта пираты отдыхали и веселились, готовясь к следующим походам. И именно здесь, в таверне «Пинок на удачу», Уне-Муне отыскал таинственный незнакомец.

– Капитан Грог?

– Кто спрашивает? – недовольно поинтересовался Двойной. Он как раз догрызал куриное крылышко и не хотел ни с кем общаться. И, не поднимая взгляд, добавил: – Я слышал очень лёгкие шаги.

– Я – друг, – успокоил пирата гость.

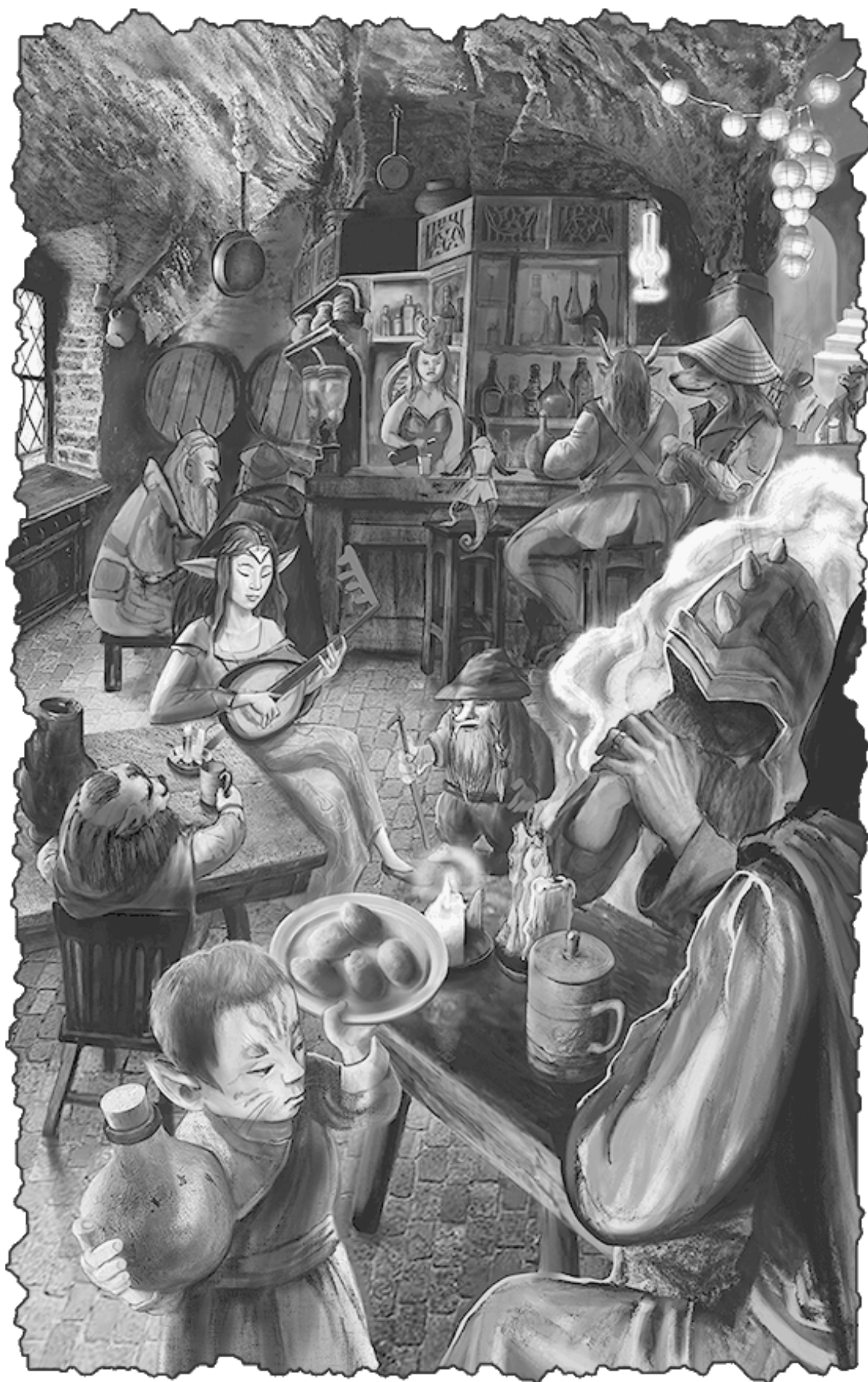
– Чем докажешь?

– Выслушайте меня и узнаете.

– Узнаю что?

– Узнаете много интересного и поймёте, что со мной можно иметь дело.

И незнакомец без спросу присел за столик пирата.

Двойной нахмурился – ему такое поведение пришлось не по нраву.

А ещё пирата смущало, что таинственный гость был с ног до головы закутан в плащ с капюшоном, носил на лице вырезанную из дерева маску и говорил изменённым голосом, то есть нельзя было с точностью сказать, мужчина заявился в «Пинок на удачу» или женщина, какого возраста и какого народа. Но Грог сразу понял, что его собеседник – маг, и потому не рискнул скандалить или грубить.

Но вести себя решил дерзко, как привык.

– Если ты друг, то назови своё имя.

– Достаточно того, что мне известно ваше.

– И перестань на меня пялиться!

На самом деле Грог давным-давно привык к изумлённым взглядам обитателей волшебного мира, не обращал на них внимания и специально сделал замечание незнакомцу – чтобы наглубить хотя бы таким образом. Однако тот не обиделся.

– Моё любопытство объяснимо, капитан: представители вашего народа в Прелести встречаются нечасто.

– Тебе не нравятся шмызлы?

– Вы – великий пират, Уне-Муне, и мне всё равно, человек вы, мафтан или фея.

– Ты назвал меня феей? – ощерился Грог.

– Вам неприятно?

– Феи – девчонки, – отрубил Двойной. – Разумеется, мне неприятно.

И стукнул кулаком по столу так, что подпрыгнули кружки и тарелки. Почуввав его ярость, сидящие за соседними столиками пираты стали потихоньку отодвигаться, они знали, каким страшным бывает Грог в гневе, однако незнакомец остался спокоен:

– Почему вам не нравятся феи?

– Терпеть их не могу.

– Почему?

– Потому что... – Двойной снова хотел наглубить, но в последний момент сдержался и произнёс хоть и резко, но без наглости: – Ты слышал о Жемчужинах?

– Разумеется.

– Феи этого Двора считают себя морскими владычицами и мешают мне жить.

– Мешают грабить? – невинно уточнил незнакомец.

– Да! И поэтому я их не люблю.

– Вы хотели бы избавиться от них? И от всех фей вообще?

Несколько долгих секунд Грог тарачился в бесстрастную, расписанную тёмными красками маску незнакомца, после чего криво усмехнулся:

– Пробовали много раз... Но никому не повезло.

– У вас может получиться.

– Что ты предлагаешь?

Незнакомец подался вперёд и, перегнувшись через стол, прошептал:

– Я хочу, чтобы вы напали на остров Непревзойдённых и разрушили, в конце концов, проклятый Коралловый Дворец!

– Я не идиот, – так же шёпотом ответил Уне-Муне. – Коралловый Дворец неприступен. Логово Непревзойдённых – настоящая крепость.

– А если я скажу, что эту крепость можно взять?

– Сначала скажи как? А потом я подумаю.

Разумеется, Двойной хотел бы разрушить Коралловый Дворец, в котором, по слухам, хранились несметные сокровища. Богатствами Двора Непревзойдённых грезил все воры Прелести, но ни одному из них не удалось добраться до Сокровищницы, которую надёжно защищали заклинания знаменитых волшебниц, и унести хотя бы медную монетку.

Разумеется, Двойной хотел ограбить Коралловый Дворец, но понимал, что одному ему не справиться.

– Хорошо, – незнакомец вновь сел ровно, однако голос не повысил, продолжил говорить шёпотом: – Вы знаете, что в центре острова, на котором мы сейчас находимся, возвышается потухший вулкан?

– Запретная гора Алау, – кивнул Уне-Муне.

– А на горе есть руины древнего замка...

– В них нельзя заходить. Да и вообще: Каваччи запрещают подниматься на вулкан, говорят, он заколдован.

– И вы не поднимались?

– Я не дурак, – хмыкнул Грог. – Каракурта – единственное во всём Океане место, где я могу отдохнуть. И я не собираюсь ссориться с его хозяевами из-за древнего поверья.

– Вы знаете легенду горы Алау?

– Все знают легенду горы Алау, – осклабился Двойной.

– Но я могу рассказать вам настоящую легенду горы Алау, подлинную, древнюю историю, – очень и очень серьёзно произнёс незнакомец. – Я могу рассказать вам, капитан, почему фарватер моря Обломков известен только членам семьи Каваччи и почему никому, даже волшебникам, не удалось его узнать. Я могу рассказать, почему Каваччи запрещают подниматься к руинам замка. Я могу рассказать, что действительно произошло здесь семьсот лет назад и почему море Обломков называется именно так. Я могу открыть вам один из древних секретов Прелести.

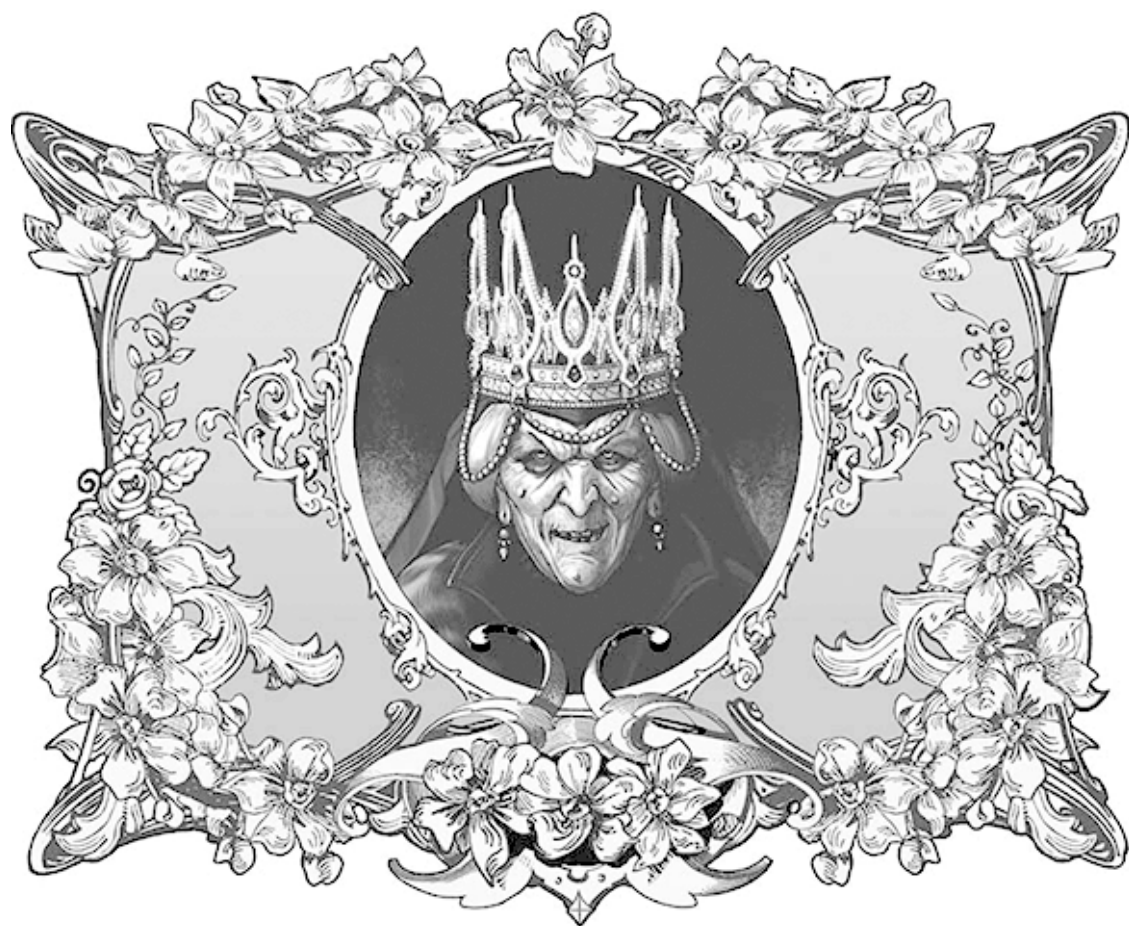
Несколько секунд Уне-Муне внимательно смотрел на таинственного собеседника, после чего уточнил:

– Твоя история поможет мне захватить Коралловый Дворец?

– Ради этого я здесь.

Пират хлебнул пива и велел:

– Рассказывай.

Глава I

в которой Ириска возвращается в Прелесть

- Ириска, осторожно!
- Не подходи к краю!
- Я не подхожу.
- Скользко ведь! Можешь свалиться за борт.
- Здесь нет бортов.
- Ты всё поняла?
- Я буду осторожна, – пообещала девочка, возвращаясь на середину плота, туда, где находилось «место пассажиров». – Не хочу в воду.
- Вот и правильно.

Полика, старшая сестра Ириски, налегла на шест, оттолкнулась от дна, и маленький кораблик продолжил путешествие по водной глади.

Дети весело зашумели.

Они катались по старому, изрядно заросшему пруду на плоту, который сами же и смастерили из бревен и досок и спустили на воду рядом с шалашом, служившим береговой базой, а точнее – пиратским логовом. Родители сначала отнеслись к строительству, а главное – к использованию «корабля», с большим сомнением и внимательно наблюдали за приключениями, однако постепенно поняли, что детям можно доверять, что старшие обязательно присмотрят за малышами, и вот уже неделю «пираты» были предоставлены самим себе. И радостно бороздили просторы расположенного на краю посёлка «морья».

- О чем задумалась?
 - Я? – обернулась к подружке Ириска.
 - Ага, ты, – подтвердила Аня. – Смотришь так, будто тебе контрольную по математике подсунили.
 - Какая контрольная? Сейчас каникулы.
 - Вот я и удивилась, – рассмеялась Аня. – Нельзя быть такой серьёзной летом. О чём думаешь?
 - Ни о чём, – улыбнулась Ириска.
- Но слукавила.

Потому что на самом деле неожиданно для себя вспомнила, как выглядит старый пруд в волшебной Прелести, в другом мире, который находится и далеко, и в то же самое время совсем рядом с привычной, родной Землёй.

В Прелести пруд тоже был заросшим, но не так сильно, только вдоль восточного берега, но его всё равно называли Унылым. То ли потому, что он располагался посреди густого леса, то ли из-за семейства Выдриусов, чей домик стоял на западном берегу. А все Выдриусы, начиная с деда Похмера и заканчивая выводком Выдриусят, имён которых никто не мог запомнить, были теми ещё занудами, и всякое общение с ними заканчивалось или уныло, или тоскливо...

- Впереди богатый порт! – провозгласила Полика, и сообщение вырвало Ириску из задумчивости.
- Абордажная команда! К бою!
- Мы готовы! – Аня вскинула над головой пластмассовую саблю.
- Вперёд!

Плот ткнулся в берег, «пассажиры», которые стали «абордажной командой», побежали «захватывать порт», а избавившиеся от лишнего груза старшие вновь отправились в плавание.

К центру заросшего пруда, который в Прелести звался Унылым.

Но из всех «пиратов» это название было известно только Ириске.
Так уж получилось.

Когда-то она знала о волшебном мире всё, но страшное колдовство Захариуса Удомо отняло у девочки изрядную часть воспоминаний, которые ей только предстояло вернуть. И она верила, что вернёт, заново открывая для себя удивительную Прелесть.

Но Ириске ещё повезло, а вот Полика и все другие феи, побывавшие на представлениях цирка «Четырёх Обезьян», навсегда позабыли Прелесть, распрощались с волшебным миром и вряд ли смогут когда-нибудь в него вернуться...

– Давайте сгоняем в магазин?

«Порт» не выдержал атаки «пиратов» и сдался на милость. Самодельный корабль путешествовал по пруду, старшие не демонстрировали желания возвращаться к «абордажной команде», вот Аня и предложила новое занятие:

– Поехали за мороженым?

– Точно!

– Здорово!

Все неожиданно поняли, чего именно им не хватало в этот жаркий летний день: конечно же, порции холодного мороженого! Пломбира или шербета – по вкусу, но именно холодного! Вкусного!

Ребята помчались к дороге, у обочины которой оставили велосипеды, и уже через пятнадцать минут сидели на другом конце посёлка, под дикой яблоней, с наслаждением уплетая мороженое и радуясь, что до конца каникул ещё так далеко – больше месяца развлечений, игр и «спать до обеда».

Ириска болтала вместе со всеми, смеялась над шутками, но при этом никак не могла выбросить из головы нахлынувшие воспоминания о Прелести. И о приключениях, которые ей довелось пережить.

Самоцветный Ключ – крупный камень на кулоне – заискрился, словно подслушав мысли девочки, намекнул, что неплохо бы вновь оказаться в волшебном мире, но Ириска только улыбнулась, почувствовав его тепло, машинально прикоснулась к камню, но открывать дверь в другой мир не стала.

И не только потому, что рядом были другие ребята.

Не только.

В последнее время Ириска часто сжимала в руке Самоцветный Ключ, ощущая заключённую в нём силу и зная, что он в любой момент готов распахнуть дверь в Прелесть. Девочку тянуло в волшебный мир, она мечтала вновь встретиться с друзьями, узнать, что произошло за время её отсутствия, но пока не возвращалась: ей казалось, что это будет нечестно по отношению к позабывшей о Прелести сестре.

– Я видела интересный и немного страшный сон, – несколько дней назад рассказала Полика, когда они с Ириской сидели на террасе. – Как будто мы с тобой оказались в фантастическом мире, мы волшебницы и...

Она неожиданно замолчала.

– И что? – не утерпела младшая.

– И нам пришлось сражаться.

– С кем?

– Мне – с каким-то чёрным рыцарем, вооружённым двумя саблями. А тебе – с огромным монстром... – Полика помолчала и улыбнулась: – Странный сон.

И в этот момент Ириске стало очень-очень грустно.

– Всё закончилось хорошо? – через силу спросила она и отвернулась, чтобы сестра не увидела блеснувшие на глазах слёзы.

– Конечно! Сказки всегда заканчиваются хорошо.

– Мы победили?

– Да.

– Напиши об этом книгу.

– Может быть... – Полика передёрнула плечами. – Может быть, когда-нибудь...

Больше они о странном сне не говорили.

Когда ты маленький, кажется, что «когда-нибудь» обязательно наступит, а всё задуманное обязательно свершится, и если не сейчас, то чуть позже, через неделю или месяц, которые пролетят так быстро, что не заметишь. Когда ты маленький, перед тобой расстилается целый океан времени, но Ириска уже знала, что «когда-нибудь» может и не наступить.

Ты запланировал, а это не случилось.

Ты потерял, и это навсегда.

Ты мечтаешь вернуть всё так, как было раньше, но понимаешь, что для этого нужно чудо...

Ириска запомнила тот разговор на террасе и окончательно решила, что обязана помочь сестре вернуть память о волшебном мире. Потому что так будет правильно и честно. Однако решиться в одиночку отправиться в Прелесть она сумела только сегодня, после игр на плоту и навалившихся воспоминаний.

Они гуляли до десяти вечера и вернулись домой перед наступлением темноты. Поставили велосипеды в сарай, а когда подошли к крыльцу, старшая сестра неожиданно спросила:

– Зачем ты привезла из Москвы роллерсёрф³?

В первый момент Ириске показалось, что вопрос этот с подвохом, что Полика каким-то образом прознала о том, что она задумала, и девочка едва не запаниковала. Но сумела ответить спокойно:

– Кататься.

Да ещё и брови подняла, показывая, что не понимает вопроса.

– Здесь? – Полика тоже умела делать удивлённый вид, напоминая, что в их дачном посёлке мало мест, где можно нормально покататься на сёрфе.

– Мне казалось, что получится, – вздохнула младшая сестра, с облегчением поняв, что вопрос был вызван простым любопытством.

– Какая же ты всё-таки маленькая.

– Сама ты маленькая! – Ириска не любила, когда её так называли.

– Ха-ха-ха!

– И не надо смеяться.

– А то что? – осведомилась Полика.

– Узнаешь!

– Ха-ха-ха!

Но как бы там ни было, а идти спать Ириске всегда выпадало первой.

Родители коротали вечер в гостиной, Полика с бабушкой – на веранде, у всех были какие-то важные вечерние дела или взрослые игры, а Ириска отправлялась в спальню. Но если обычно это вызывало у неё недовольство, то сегодня девочка сама торопилась наверх и была озабочена лишь тем, чтобы её нетерпение и неожиданная покладистость не вызвали подозрений.

– Я пойду к себе.

– Похоже, ты устала, – улыбнулась мама.

– Очень, – не моргнув глазом солгала Ириска. – Трудный день.

– Сразу ляжешь спать?

– Можно я чуть-чуть посижу в Интернете? – девочка кивнула на планшет. – Пожалуйста!

³ Двухколёсный скейт.

– Ну... – мама хотела отказать, потому что было довольно поздно, однако, вспомнив, что Ириска быстро поужинала и сама, без напоминаний, почистила зубы, позволила себя уговорить: – Хорошо, посиди в Интернете, но недолго. Минут двадцать.

– Договорились!

– Только сначала переоденься в пижаму.

– Хорошо!

Девочка бегом поднялась на второй этаж, влетела в комнату и вытащила из угла сёрф, который ещё днем тайно притащила из сарая. Постояла, прислушиваясь к происходящему на первом этаже, убедилась, что больше наверх никто не собирается, сжала в руке Самоцветный Ключ, почувствовала, что он заработал, задержала дыхание и сделала шаг.

И исчезла в затрепетавшем воздухе, который внезапно стал холодным и жидким. Но не влажным, и потому не намочил одежду.

Исчезла в волшебных воротах, которые привели её в Прелесть.

* * *

– Ой! – Воскликание вырвалось случайно, неожиданно для самой Ириски. Просто она не думала, что в Прелести тоже будет вечер, а точнее – глубокая ночь, и, выйдя из магического перехода, не смогла сдержаться: – Ой!

Зажмурилась, чтобы привыкнуть к темноте, медленно открыла глаза и огляделась.

Она стояла на Приветливой площади, куда попадали все прибывающие во Дворец феи и которая располагалась у подножия Первой Башни. Завсегдатаи волшебного мира сразу отправлялись по своим делам, а те девочки, которые оказывались в Прелести впервые, сначала восхищались открывающимся видом на Океан, любовались изящными мраморными вазонами с прекрасными цветами, пытались разглядеть верхушку высоченной Первой, а затем попадали в объятия новых подруг, которые тут же принимались рассказывать о великом Дворе Непревзойдённых...

Но сейчас на площади не было ни фей, ни улыбок, ни даже света. Дворец окутывали неестественные для него тишина и темнота, однако Ириске всё равно стало хорошо.

Прелесть!

Конечно, это не дом, ведь здесь нет ни папы, ни мамы, ни бабушки, ни Полики – сейчас нет Полики... – но здесь Ириску тоже ждали с нетерпением и любовью, и девочка испытывала чувства, очень похожие на те, что переживаешь, возвращаясь в родное гнездо.

Прелесть!

Вокруг разлилась чернилами тёплая южная ночь. Молодая луна криво улыбалась над головой, но света почти не давала, да к тому же то и дело пряталась за набегающими облаками. Звёзды казались далёкими, полусонными, а фонари... Фонарей в Коралловом Дворце было превеликое множество: на столбах и в гирляндах, над дверьми и на стенах, среди деревьев и на парапетах, но сейчас все они, увы, оказались погашены. Привычная атмосфера праздника, которая всегда царила во Дворце по ночам, исчезла, а здания и шапки деревьев казались скалами – тёмными и безжизненными, навевая лёгкую, немного тревожную грусть.

«Ничего, когда Непревзойдённых станет больше, во Дворце будет веселее!»

А пока поблизости горел всего один фонарь – над входом в Башню, – площадь едва освещалась, и нужно было решать, что делать дальше.

– Куда же мне идти? – Ириска поставила сёрф на плитку и почесала в затылке.

Коралловый Дворец полностью занимал обширный гористый остров, в центре которого возвышалась скала с Первой Башней. Каждый квадратный миллиметр острова был чем-нибудь застроен, и потому Дворец являл собой настоящий лабиринт из башен, домиков, скверов, парков, фонтанов, каналов, мостов и мостиков, улиц, улочек и тупичков, площадей и площадок,

лестниц, арок, акведуков, беседок, ротонд и многих-многих других строений, прекрасных, изящных и просто красивых.

Раньше Ириска твёрдо знала путь от Приветливой площади к своему уютному домику на террасе Танго, стоящему прямо на краю скалы, однако сейчас, после потери памяти и в полной темноте, не была уверена, что отыщет дорогу. И горько пожалела о том, что не установила в смартфон приложение «Навигатор Дворца», которым пользовались все Непревзойдённые, а не только новенькие.

– Направо? Или налево... Вроде я всегда проходила между тех двух вазонов... Или только когда шла к Полике?

Ириска никак не ожидала, что прибудет во Дворец поздно ночью, никого не встретит, будет вынуждена искать дорогу в темноте, и потому немножко растерялась. Почти минуту разглядывала она полутёмную Приветливую площадь, и лишь после этого воскликнула:

– Вспомнила! Нужно пойти направо, через площадку Пары Кресел и спуститься по лестнице Волшебных Птиц на три пролёта!

Поскольку других предположений не было, девочка подхватила сёрф и быстрым шагом дошла, а точнее почти добежала, до прекрасной беломраморной лестницы, которую украшали искусные скульптуры всех крылатых Прелести.

Здесь было веселее: белоснежный мрамор превосходно отражал рассеянный свет юной Луны, на некоторых площадках горели фонари, лестница оказалась хорошо освещена, и фея приободрилась:

– Отлично! Теперь три пролёта вниз, а потом налево, по дорожке Синего ветра!

Затем останется преодолеть поднимающуюся от площадки улицу Весёлых Шарманщиков, повернуть направо, на террасу Танго, и она окажется в милом домике с черепичной крышей, стены которого увиты цветущим плющом.

Девочка поспешила вниз, но вскоре поняла, что память её подвела: пройдя три пролёта, фея оказалась не на дорожке Синего ветра, а на галерее Ста розовых кустов – не менее красивой, но, увы, совершенно не нужной сейчас улице.

– А это значит, что я заплутала.

Ириска произнесла фразу громко и твёрдо, стараясь подбодрить себя, но в глубине её души уже поселился и принялся расти червячок тревожных сомнений.

«А вдруг я не найду дорогу? Не хотелось бы остаться ночевать на улице...»

Конечно, не было ничего страшного в том, чтобы встретить рассвет на лавочке, или в каменном кресле, или в шезлонге, которые встречались тут на каждом шагу: ночи на острове тёплые, дождя не предвиделось, и поспать на открытом воздухе – одно удовольствие. А если вдруг начнёт капать, можно перебраться в беседку... Но девочка не хотела проигрывать.

Да и стыдно было немножко из-за того, что она не в состоянии отыскать собственный дом.

– Надо снова подняться к Первой Башне!

К главному ориентиру Дворца, от которого разбегаются по острову все его улочки. И ничего страшного в том, что не удалось отыскать дорогу с первого раза – получится со второго. Как говорится, победа любит упорных.

Ириска взяла сёрф под мышку, вернулась на лестницу, сделала шаг, но замерла, услышав подозрительный шорох. Сначала ей показалось, что это ночной ветерок поиграл с ветками рододендрона, однако через несколько секунд шорох повторился.

А ветра не было.

– Кто здесь? – негромко спросила маленькая фея.

Ответом стала тишина.

Ириска внимательно огляделась, и ей вдруг показалось, что среди тёмных ветвей бесшумно скользнула ещё более тёмная и потому, наверное, опасная тень. Показалось? Или кто-

то на самом деле едва слышно выдохнул? Показалось, или блеснули в зарослях большие жёлтые глаза?

За ней следят? Её преследуют? Или это стражники Дворца решили напугать появившуюся среди ночи фею?

Тревога наступала.

Ириска сглотнула и крепко вцепилась в сёрф.

«Если это стражники, то почему они так себя ведут? И кто во Дворце стража? Кто?»

Спросила, а в следующий миг поняла, что совершенно не помнит ответ. То есть Дворец наверняка охраняется, ей даже рассказывали, как именно, но ничего из того урока Ириска не запомнила.

«Проклятый Захариус!»

– Кто здесь? – повторила она, стараясь, чтобы голос прозвучал твёрдо.

И снова – тишина.

Девочка помолчала, давая тени время проявить себя, а затем, пятась, поднялась на две ступеньки.

И замерла.

Ничего не произошло.

Ещё две ступеньки... Потом ещё...

Поднимаясь, Ириска убедила себя в том, что шорох почудился, что во всём виновата ночь. И ветер. И тусклые фонари. И то, что она заплутала, ошиблась лестницей. Шорох и тень почудились, а на самом деле во Дворце тихо и спокойно, и...

И девочка едва не выронила сёрф, услышав мягкий шёпот:

«Не уходи!»

Даже не шёпот, нет – слова как будто сами появлялись в голове. Как будто кто-то промолчал их, стоя рядом, а фея услышала.

«Не уходи!»

– Кто ты?

Ириске захотелось закричать, но в последний момент она ухитрилась сдержаться.

«Останься... Пожалуйста...»

И будто специально стало ещё темнее: над головой нависли ватные тучи, которые поглотили не только изогнутую луну, но и бриллианты звёзд, и теперь Дворец освещали только редкие фонари. Хитрый ветерок пробежался по острову, раскачивая ветви кустов и вызвав у озябшей девочки холодные мурашки. Ночь наполнилась мягким шуршанием, невнятным шорохами, и странный шёпот представлялся частью её таинственных звуков.

«Ириска...»

– Откуда ты знаешь моё имя?

«Нам нужно поговорить...»

Снова вздохнул прохладный ветер, и девочке показалось, что подлетевший призрак схватил её за щиколотку бесплотными пальцами.

– Нет!

Ириска бросилась вверх, к спасительной Первой Башне, к фонарю, который освещал Приветливую площадь, туда, где было хоть что-то знакомое и не звучал в голове пугающий голос.

– Нет! Уйди от меня!

И бежала девочка так быстро, что за ней не смог бы угнаться даже Дикий Страус. Бежала так, словно не слышала, а лично видела желтоглазое чудовище в кустах. Бежала, позабыв обо всём и ничего перед собой не видя.

В одно мгновение Ириска преодолела оставшиеся пролёты, выскочила на Приветливую площадь, сделала по ней несколько шагов и наткнулась на ужасного монстра, словно выбравшегося из самых тёмных уголков самых страшных ночных кошмаров.

Плохо различимого в ночи, массивного, рогатого монстра.

Который странно хрюкнул, когда девочка в него врезалась.

А Ириска закричала, потом размахнулась и изо всех сил ударила врага увесистым сёрфом.

Глава II

в которой капитан Двойной Грог отправляется в далёкое, полное опасностей путешествие к зловещему острову Спящей Каракатицы

Невысокие волны тёплого южного моря мягко разбегались перед носом корабля, словно ластясь и приглашая поиграть во что-нибудь весёлое. Волны напоминали забавных водяных котят, но опытные моряки знали, какими страшными они станут, когда «вырастут во взрослых тигров»: высокими, как горы, и бешеными, как обезумевший долбоцефал. Моряки знали, какой ужас могут нести эти «милые котята», но сейчас не думали о плохом, потому что до начала сезона штормов оставалось целых два месяца, и можно было от души наслаждаться дружелюбием Океана.

Приветливыми волнами, летучими рыбами – их весёлые стайки серебряными брызгами взлетали над водой, – дельфинами и даже китами: только за это утро пираты повстречали двух величественных гигантов, каждый из которых был больше их корабля.

Дул попутный ветер, и могучий трёхмачтовый фрегат буквально летел на юг, далеко на юг, туда, где тёплое море становилось ледяным, к поясу холодных Айсбергов.

Знаменитый «Полоумный Архитектор» – флагманский корабль страшного капитана Грога: сорок четыре пушки, вышколенная, не знающая жалости команда и слава самого быстрого парусника южных морей. «Архитектор» был единственным в Прелести пиратским кораблём, капитан которого никогда не спускал «Весёлого Роджера»⁴ и не прикидывался мирным торговцем, чтобы подкрасться к купеческому каравану. Двойной Грог честно предупреждал о своём появлении, потому что его фрегат мог догнать любое судно на свете. И мог удрать от кого угодно, от любого военного корабля.

⁴ Название пиратского флага: чёрное полотнище, в центре которого нарисован белый череп над скрещёнными абордажными саблями.

Но сейчас «Архитектор» ни от кого не убегал и никого не догонял. Он уже три дня торопливо шёл на юг, с виду – без всякой цели, и лишь теперь Уне-Муне Грог вызвал старших офицеров на совещание, чтобы наконец-то рассказать, куда они плывут и зачем.

Они собрались на носу, прогнали драивших палубу матросов, отошли к бушприту⁵ и говорили только друг для друга. А ветер уносил слова в море, не позволяя посторонним узнать, о чём говорят офицеры.

– Мы третий день в пути, – произнёс главный бомбардир «Архитектора» гном Жуто Гейл по прозвищу Угрюмый. – И до сих пор не знаем, куда идём.

– Раньше тебя это не смущало, – заметил Муне.

А Уне поджал губы, но промолчал: он не любил общаться и всегда отдавал эту роль Муне.

– Раньше мы рыскали по караванным путям в поисках добычи, – хохотнул Дорро Эскотт, отчаянный командир абордажной команды. – А сейчас ушли далеко на юг. Здесь нет купеческих кораблей.

– Что мы ищем? – поинтересовался Гейл.

– У нас есть дело, – улыбнулся Муне Грог. – Очень важное дело.

– Важнее, чем ограбить жирного купца? – с иронией уточнил Эскотт.

– Намного важнее, – подтвердил Двойной.

– Что же это за дело такое? – не выдержал Угрюмый.

– Сейчас расскажу...

Как бывает на всех пиратских кораблях, команда «Полоумного Архитектора» состояла из разных племён: разбойниками становились и люди, и мафтаны, и представители малых народов, а сам Грог и вовсе был шмызлом, выходцем из Плесени, и на его широких плечах помещались целые две головы. Правую, деловую и дерзкую, звали Муне. Она была лысой, словно арбуз, но с пышными бакенбардами и густыми бровями, нависающими над чёрными глазами. Нос голова Муне имела крючковатый, напоминающий орлиный клюв, а в левом ухе носила золотую серёжку. Вторую голову Двойного звали Уне, она отличалась спокойствием и немногословностью, и если Уне приходилось говорить, он делал это очень тихо, а то и вовсе шептал на ухо Муне. Вторая голова Грога была слепой от рождения, и её глаза всегда закрывала повязка, но при этом она обладала великолепным слухом и сильно развитой интуицией, которая не раз и не два помогала Двойному избегать неприятностей.

Одевался капитан как франт, и даже на борту носил башмаки с пряжками, серые штаны из дорогой ткани, шёлковую рубашу с кружевами и свободным воротом и широкий красный пояс, из-за которого торчали пистолет и кинжал.

Шмызлы были редкими гостями в Прелести, Грог любил подчеркнуть своё происхождение, и поэтому «Весёлый Роджер», что развевался над «Архитектором», украшали два черепа, а не один.

– Так что за дело тянет нас на юг?

– Или мы просто путешествуем? – хмыкнул Дорро. – Ходим по морю для собственного удовольствия?

Эскотт был Варраксом – мафтаном из варанов, хладнокровным и смертоносно быстрым. Он управлял абордажной командой – самыми лихими головорезами Двойного Грога, и его авторитет лишь малость уступал авторитету капитана. Дорро был не очень высок, но крепок, жилист и подвижен. Из одежды предпочитал набедренную повязку, поскольку вдоль хребта Варракса шёл алый гребень, сложенный в спокойном состоянии и поднимающийся в мгновения ярости или сильного неудовольствия. Кожа у Дорро была чешуйчатая, жёсткая и чёрная

⁵ Горизонтальное либо наклонное дерево, выступающее с носа парусного судна. Бушприт предназначен для вынесения вперёд парусов.

настолько, что отливала синевой. На поясе Эскотт носил тяжёлую абордажную саблю, но его могучие лапы, заканчивающиеся острыми когтями, сами по себе были серьёзным оружием.

– Мы нашли для нас шикарную и перспективную работу, – тихо произнёс Уне.

- Не ты, а я, – сварливо буркнул Муне.
- Мы, – кротко повторила слепая голова.
- Я договорился.
- Нас наняли.

Головы могли препираться бесконечно долго: Уне, несмотря на кажущуюся покладистость, был весьма упрям, поэтому Эскотт уточнил:

- Работа опасная?
- Очень, – сразу же ответил слепой. И облизнулся.

– Но хорошо оплачивается, – поспешил добавить Муне, недовольно покосившись на вторую голову.

- Так куда мы всё-таки идём? – спросил Угрюмый.

Последний участник совещания, Жуто Гейл, был главным бомбардиром и горным гномом – они лучше всех в Прелести разбирались в огнестрельном оружии. Круглощёкий, с маленькими глазками и носом «картошкой», он казался добряком, но таковым не был, потому и оказался в команде пиратов. Ростом Угрюмый уступал даже Эскотту, ножки имел коротенькие, но толстые и крепкие, и был особенно широк в плечах, отчего казался квадратным. Гейл давно ходил по южным морям, привык к чужому климату и загорел до бронзового оттенка, лишившись знаменитой гномьей бледности. Голову он закрывал треуголкой, под которой прятались косматые, редко расчёсываемые волосы; традиционную рыжую бороду – длинную, с косичками – Жуто из-за жары остриг, превратил в короткую, едва прикрывающую подбородок, зато отпустил усы аж до самой груди. На борту Угрюмый носил свободные штаны чуть ниже колен, когда-то белые, но со временем посеревшие, рубаху с короткими рукавами и кожаный жилет с многочисленными карманами.

- Куда мы идём?
- На юг, – коротко ответил Муне.
- Далеко на юг?
- К Айсбергам.
- Так-так, – покачал головой Дорро. – А дальше?

– Куда уж дальше? – чуть нервно произнёс Муне. – За Айсбергами начинаются Ледяные берега, там «Архитектор» не пройдёт.

И хмыкнул.

Дорро почуял, что капитану самому тревожно, во всяком случае, его правой голове, и подобрался, потому что обычно Двойной никого и ничего не боялся.

- То есть мы дойдём до Айсбергов и повернём обратно?

– Почти.

– Мы идём на Каракатицу! – догадался Гейл. – Муне, ты ведёшь нас на проклятую Каракатицу!

– Зачем? – растерялся Эскотт. И даже сделал шаг назад. Машинально сделал, потому что никто, ни один моряк южных морей и даже ни один моряк Прелести, не мог спокойно слышать это название: остров Спящей Каракатицы.

Самое зловещее место Океана.

Мрачная обитель ужаса, расположенная в центре моря Беспощадности.

А самое интересное заключалось в том, что никто на свете не мог с уверенностью сказать, какое именно зло скрывается на острове. Что это за Каракатица и почему она спит? Сможет ли она проснуться и что тогда будет?

События, которые привели к появлению этого мрачного пятна на карте волшебного мира, произошли настолько давно, что нынешние жители Прелести пересказывали друг другу легенды о легенде, не имеющие никакого отношения к истине. Говорили, что на безжизненном острове феи заточили ужасное чудовище, способное обратить землю в воду и превратить

мир в один огромный Океан; ещё шептали, что там таится Древнее Проклятие, страшный прародитель всех Тёмных Сил, однажды прорвавшийся в Прелесть, а ещё – что на том клочке суши открыты врата в ужасный мир, настолько плохой, что по сравнению с ним даже Плесень кажется благодатной страной, населённой дружелюбными жителями.

Говорили об острове Спящей Каракатицы много. А боялись – ещё больше. Боялись так сильно, что даже старшие офицеры пиратского корабля не стали скрывать страх:

– Что ты наделал? – испуганно спросил Дорро. – Как ты мог?

Двойной Грог поджал губы на обеих головах.

– Зачем ты согласился на эту работу? – осведомился побледневший Гейл.

– Она хорошо оплачивается, – пожал плечами Двойной. – И очень перспективна.

– Мёртвым деньги не нужны, – категорически заявил Эскотт. – Нужно возвращаться.

– Я согласен с Варраксом, – хрюкнул гном. – Прикажи рулевому ложиться на обратный курс.

– Нет, – качнул головой Муне.

А Уне кивнул, подтверждая слова правой головы.

– Я не собираюсь подыхать ради какой-то легенды! – Дорро топнул ногой.

– Тебе и не придётся.

– Никто не возвращался с Каракатицы!

– Никто не возвращался, потому что никто до неё не добирался! – парировал Грог. – Всех перехватывали сторожевые корабли.

– В море Беспощадности запрещено заходить без разрешения Двора Непревзойдённых, – напомнил Гейл. – Если нас поймают, то повесят.

– До сих пор нас никто поймать не мог, – хихикнул Муне.

– До сих пор мы не лезли в пекло, – отрезал Эскотт. – Мы нападали и убегали, и не связывались с линейными кораблями. А возле моря Беспощадности, хочу тебе напомнить, дежурят именно они – линейные! Самые большие корабли в мире!

– Всё будет хорошо, – едва слышно прошептал Уне.

И Дорро, который как раз набирал в грудь воздух, собираясь продолжить выступление, резко умолк.

А Угрюмый Гейл ухватил себя за подбородок и глубоко вздохнул.

Пираты, разумеется, знали о проницательности слепой головы и её умении видеть будущее, поэтому очень серьёзно отнеслись к услышанному.

– Мы вернёмся живыми? – тихо спросил Эскотт.

– Это будет опасный рейд, – так же тихо ответил Уне. – Живыми вернутся не все.

– Но мы вернёмся? – прищурился гном. – Я и Дорро?

– Скорее всего.

Ответить точно Уне не мог, но пиратов приободрил тот факт, что слепец не видел в будущем их гибели.

– Ладно! – Эскотт потёр могучие лапы одну о другую. – Мы идём к Каракатице – хорошо, пусть так. Но как мы преодолеем сторожевую линию?

– Море Беспощадности патрулируют самые большие корабли Прелести, – угрюмо напомнил Гейл. – Любой из них одним залпом потопит наш фрегат.

– У меня есть план, – осклабился Муне. – Ведьма, которая нас наняла, продумала все детали рейда.

– Я не доверяю ведьмам, – проворчал Эскотт. Варраксы были воинами и совсем не знали Волшебства.

А вот Угрюмый Гейл отнёсся к заявлению капитана спокойно. Но уточнил:

– Ведьма опытная?

Пройти через линию сторожевых кораблей было трудно ещё и потому, что часть их снаряжения зачаровывали феи и волшебники. Именно поэтому гнома интересовала сила нанявшей капитана колдуньи.

– Ведьма очень сильная, – кивнул Муне.

Уне подтвердил.

Бомбардира это успокоило. Он помолчал и добавил:

– Главное, чтобы она нас не обманула.

– Мы ей нужны, – пожал плечами Грог. – Так что никакого обмана.

Несколько секунд офицеры обдумывали заявление капитана, после чего Дорро почесал лапой затылок и уточнил:

– Допустим, мы пройдем мимо сторожевых кораблей, прорвемся через море Беспощадности и доберемся до Каракатицы... Что дальше? Зачем мы туда идём?

Ответ на этот вопрос был очевиден, и шмызл удивился, что офицеры до него не додумались.

– Мы освободим того, кто там заперт.

И едва не рассмеялся, увидев, что от изумления у гнома отвисла челюсть.

– Ты серьёзно?

– Зачем? – осведомился Эскотт.

– Нам за это платят, – вновь пожал плечами Двойной.

– Но если легенды правы, то мы освободим ужасное чудовище, – Угрюмый Гейл поёжился. – Что оно сделает с нами?

– Всё будет хорошо, – повторил Уне.

– Это мы уже слышали.

– Вы слышали только часть истории, а сейчас я расскажу вам её всю, расскажу то, что узнал от ведьмы, но сначала... – Уне-Муне придвинулся ближе к офицерам и зашептал: – Но сначала – самое главное: ведьма, которая нас наняла, хочет уничтожить Коралловый Дворец, а потом изгнать из Прелести фей. Понимаете? Изгнать всех фей! И больше никто не помешает нам грабить купцов, джентльмены!

– Ура, – тихо произнёс Гейл.

– Отлично! – ощерился в ухмылке Дорро.

– Мы станем королями Океана! – подытожил Грог. – И никто не сможет с нами соперничать!

Глава III

в которой Ириска встречается с Хишей и Ашугой, наслаждается пребыванием в Прелести и снова слышит странный голос

– Ты в самом деле ждал меня во Дворце? – удивилась Ириска. – Всё это время?

– Ты обещала скоро вернуться, – Хиша дружелюбно щёлкнул клювом.

Ночное приключение закончилось благополучно, в итоге девочку проводили в её уютный домик, и ночь она провела в своей кровати. А сейчас они втроём завтракали на свежем воздухе, в тенистой, увитой виноградом беседке.

– В любом случае я обещал ждать – и ждал, – закончил Страус.

– Но я не сказала, когда вернусь.

– Главное, что ты обещала, – мафтан почесал правым крылом пузо и сдержанно хихикнул. – Этого достаточно.

Хиша был Диким Страусом: пернатым, весёлым, дерзким на язык, немного бестолковым, но настоящим другом – верным и бескорыстным. И девочке стало стыдно за то, что она так долго не появлялась в Прелести.

– Сначала я обустроил гнёздышко на пляже, думал, там будет весело, но позавчера подул сильный ветер, даже дождь сходил...

– Дождь пошёл, – строго уточнила сидящая слева Ашуга.

– Я так и сказал, – встопорщил перья Страус. Судя по тому, как быстро он нахохлился, Хише давно надоели замечания Бронерожки.

– Ты использовал неправильный глагол.

– О-о! – Дикий закатил глаза, но спорить не стал, продолжил говорить, но при этом демонстративно повернулся к девочке: – Ветер подул, дождь пошёл, я замёрз на пляже и перебрался в один из гостевых домиков на Песчаной улице.

Хиша по-прежнему таскал на плече кожаную сумку, не оставляя её, даже усаживаясь за стол, и по-прежнему был одет в майку с весёлым девизом: «Птицы рулят!» Однако штаны сменил на шорты, а кеды снял и ходил по тёплым камням острова без обуви.

– Извини, что я так долго не появлялась, – вздохнула Ириска. – Я...

– Долго – это сколько? – перебил фею Страус.

– Я пробыла дома почти месяц.

– Разве это много?! – Хиша едва не подпрыгнул на диване. – То есть на самом деле много, конечно, но однажды я решил добраться до края земли, и шёл так долго, что месяц мог бы показаться одним днём.

– У земли есть край? – удивилась девочка.

– Конечно, – с невероятной уверенностью ответил Страус.

Ашуга закатила глаза.

– Разве Прелесть не круглая?

– Круглая.

– Получается, у неё не может быть края, – закончила мысль Ириска.

– Добро пожаловать в волшебный мир! – радостно провозгласил Хиша.

– Прелесть – волшебный мир, а не мир твоих глупых фантазий, – строго заметила Бронерожка.

– Ты так говоришь, потому что завидуешь, – не остался в долгу Дикий. – Я был на краю земли, а ты – нет.

- Края земли не существует, – произнесла Ашуга, глядя на девочку.
- Понятно, – кивнула та, потому что не хотела ссориться с Бронерожкой.
- Точно понятно? – Ашуга блеснула стёклами очков.
- Понятно точно, – подтвердила фея.
- Хорошо.

И девочке показалось, что дальше она услышит: «Садись, четыре!» – настолько по-учительски выглядела сейчас Бронерожка.

Страус взмахнул крылом, отчего по беседке полетели пух и пара перьев, но промолчал. За последний месяц он не раз и не два сходил с Ашугой в жарких спорах и берёт силы.

Впрочем, следует отметить, что Дикий был говорлив до ужаса, не спорил только сам с собой и без труда доводил до белого каления даже такого спокойного человека, как Авессалом.

Вспомнив о втором друге, Ириска тут же поинтересовалась:

- А где Петрович?

И не удивилась ответу:

– Полетел чинить «Бандуру», – хмыкнул Хиша. – Позвони ему сегодня, расскажи, что ты здесь.

- А куда делась Рыча?

– Умчалась с Петровичем, но обещала вскоре появиться. Рыжим Чертовкам скучно на одном месте, даже на таком прекрасном, как это.

- Они непоседы, – заметила Ашуга.
- Так я и сказал, – щёлкнул клювом Страус.
- Не так.
- Так!

Ириска вздохнула.

Коралловый Дворец заслуженно считался одной из жемчужин Прелести, красивейшим строением, когда-либо созданным в мире. Его мечтали увидеть, а увидев – восхищались, и рассказы о чудесном острове передавали из уст в уста.

Коралловый Дворец Непревзойдённых.

Прекрасный, как восход солнца, чарующий, как само Волшебство.

Он плавно поднимался к облакам, игриво царапая их пушистые брюшки каменным пальцем Первой Башни, и напоминал радугу, прилегшую отдохнуть посреди безбрежного Океана. Его прекрасные дома, зелёные скверы, фонтаны, каналы, сады, мосты, башенки, террасы, беседки и другие строения сплетались в чарующий лабиринт, разобраться в котором было трудно даже днём, неудивительно, что Ириска заплутала ночью.

Но, к счастью, то приключение осталось позади, и сейчас они втроём не только завтракали, но и наслаждались потрясающим видом на бухту Жёлтых Пеликанов, служившую для Непревзойдённых портом. В обычные дни в бухте было полным-полно парусов, распускаемых яхтами, шлюпками, яликами и прочими судёнышками, однако нынче все они грустили у причалов, ожидая, когда Двор возродится и остров вновь наполнится смехом и весельем.

Пока же весело было только в беседке: чтобы создать праздничную атмосферу, Хиша украсил её разноцветными шариками, гирляндами цветов и даже повесил плакат: «Ириска! Добро пожаловать домой!», написанный чуточку коряво, зато от души.

– Это я нарисовал, – похвастался Страус. – Правда, красиво?

– Очень красиво, – подтвердила девочка, которой действительно было приятно такое внимание друга.

– Я раньше никогда не рисовал плакаты.

– И сейчас не следовало, – хмыкнула Ашуга.

– Тебя забыл спросить.

– Ты такой говорливый!

– Я много знаю и многим могу поделиться.

– Это я много знаю и могу поделиться, – возмущённо заявила в ответ Бронерожка.

– Неужели? – прищурилась птица.

– Именно!

– Докажи!

– У-фф! – не выдержала фея. – Прекратите!

Ириска целый месяц мечтала о встрече со старыми друзьями, несказанно обрадовалась Дикому Страусу, который, в свою очередь, едва не задушил девочку в объятиях. Расстроилась, узнав, что Петрович и Рыча улетели, и весьма настороженно приняла Ашугу.

Точнее, сначала фея вообще приняла Ашугу сёрфом по физиономии: ведь именно с Бронерожкой Ириска столкнулась ночью, и именно её испугалась.

Впрочем, было с чего.

Дело в том, что Ашуга Бардука Даурия Мадагабарская происходила из племени Бронерогов, выглядела внушительно, а ночью и вовсе страшно.

Судите сами.

Первое, что замечали при взгляде на Ашугу, был, естественно, рог – основательный, мощный, острый и опасный. Рог пугал сразу и наповал. Но не менее грозно выглядели изрядная пасть с острыми зубами, маленькие хищные глазки, навевающие мысль о злобном характере, мощные плечи, могучие лапы и толстая, грубая кожа, от которой даже пули отскакивали.

При первом взгляде Бронерожка казалась агрессивным чудовищем, и лишь потом становились заметны прелестные бантики над аккуратными ушками, красивое платье – Ашуга предпочитала нежные цвета, и скромные очки. Маленькие глазки Бронерожки были не злыми, а умными, и могучими лапами Ашуга не крушила врагов, а элегантно управлялась с книгами.

Несмотря на происхождение из агрессивного племени, огромная Бронерожка была не воином, а знаменитым на всю Прелесть библиотекарем Кораллового Дворца, хранительницей знаний и строгой учительницей, через лапы которой прошло не одно поколение фей.

И она не стеснялась демонстрировать своё высокое положение.

– Ириска, я понимаю, что в настоящий момент ты – единственная Непревзойдённая Прелести, Дворец принадлежит тебе. Однако вынуждена настаивать, чтобы впредь ты выбирала гостей с большим тщанием.

– Друзей, – робко поправила Ашугу девочка.

– Извини? – Бронерожка чуть приподняла брови, показывая, что фея может не продолжать, но Ириска решила и твёрдо заявила:

– Хиша – мой друг.

– Кхлмг! – Страус то ли кашлянул, то ли хохотнул и сделал библиотекарю большие и нахальные «глаза».

– Понятно, – без восторга протянула Бронерожка, в упор разглядывая птицу. – В таком случае...

– А друзей не выбирают, синьора Ашуга, – закончила Ириска. – Друзьями становятся раз и навсегда.

Библиотекарь, разумеется, знала о том, как Дикий Страус помог последней Непревзойдённой справиться с Захариусом Удомо, через что ему пришлось пройти и что пережить. Ответить ей было нечего.

Хотя... Подождите: нашлось!

– Очень жаль, что рядом с тобой не оказался более воспитанный мафтан, – прохладно заявила Бронерожка, уничижительно глядя на Дикого.

Но тот не замедлил с ответом:

– У воспитанного ничего не получилось бы.

– Неизвестно.

– Я точно знаю.

Ашуга хмыкнула и вновь обратилась к фее:

– Как ты его выдержишь?

– Я постоянно напоминаю себе, что Хиша – мой друг, – ровно ответила девочка.

Хотя ей хотелось рассмеяться.

– И за что тебе такое наказание?

– Видимо, за все те каверзы, которые остались незамеченными, – ляпнула Ириска.

– Их было настолько много?

Страус весело закудаhtал, но притих под выразительным взглядом феи. Которая, добившись тишины, небрежно предложила:

– Поговорим о чём-нибудь другом?

– О чём? – пряча улыбку, спросила Ашуга.

Вопросов девочка хотела задать превеликое множество, поскольку память о волшебном мире вернулась неполностью и она торопилась узнать как можно больше. Однако начать фея решила с нейтрального и довольно общего вопроса:

– Что происходит в Прелести?

– Как ты уже поняла, новых Непревзойдённых, увы, не появилось, – грустно отозвалась Ашуга. Судя по всему, именно этот факт она считала наиважнейшим.

Впрочем, не только она.

– Ты по-прежнему одна, – вздохнул Дикий.

– Одна – это когда нет друзей, – поправила Страуса Ириска. – А они у меня есть. То есть вы у меня есть.

– Но для Прелести было бы лучше, чтобы ты не оставалась единственной феей Двора, – занудно уточнила библиотекарь. – Мало ли что может случиться?

– Это зависит не от меня.

– Я знаю...

– Рано или поздно кто-нибудь обязательно появится, – с оптимизмом заявил Страус.

– Наверняка.

Впервые попадая в Прелесть, девочки сразу же оказывались в том Дворе, который наилучшим образом отвечал их устремлениям и характеру. Кто-то становился храброй Молниеносной, кто-то – талантливой Утончённой, кто-то – повелевающей цветами Яркой, а кому-то выпадало стать Непревзойдённой – феей, умением которой являлось сражение с тёмной магией Зла.

Само существование Непревзойдённых защищало волшебный мир от Тёмных Тварей, но подлый колдун Захариус Удомо ухитрился отнять у них память о Прелести и теперь из всего огромного Двора осталась лишь Ириска.

Заклятия Закатного Рубежа, защищающего волшебный мир от мерзкой Плесени, истончались, но жители Прелести не теряли надежду на то, что Двор Непревзойдённых возродится в прежнем величии.

А вспомнив о Захариусе, Ириска не могла не спросить о главной головной боли волшебного мира – о старухе Гнил, королеве Верхней Плесени.

– Пока она сидит тихо, – сообщил Страус.

– Не похоже на неё.

– Переживает поражение.

– Старуха Гнил не проиграла, – отчеканила Ашуга. – Двор Непревзойдённых слаб, как никогда, и почти уничтожен, а она, напротив, сильна.

– Закатный Рубеж по-прежнему хранит нас, – напомнил Хиша.

– Но заклęcia истончаются, и в Прелести всё чаще появляются Пятна Плесени, которые питают злую магию ведьм и колдунов, – библиотекарь перевела взгляд на девочку. Стёкла её очков тревожно блеснули. – Нельзя верить в то, что королева Гнил сдалась или испугалась. Она знает свою силу и твою слабость и будет посылать слуг против тебя до тех пор, пока не победит.

– Что ты говоришь? – возмутился Хиша.

– Правду!

– Какую?

– Война со старухой Гнил будет продолжаться до тех пор, пока последняя Непревзойдённая не покончит с ней, – резко закончила Ашуга. – Вот так.

Несколько секунд Ириска молчала, переваривая пугающее заявление Бронерожки, после чего на всякий случай осведомилась:

– Скажите, во Дворце безопасно?

– Почему ты спрашиваешь? – насторожилась Ашуга.

А Дикий заинтересованно встопорщил перья.

– Я ведь не просто так атаковала вас ночью... – протянула девочка. – Ну, когда я...

– Я понимаю, о чём ты говоришь, – кивнула Ашуга, машинально погладив синяк справа от рога.

– Извините.

– Ты уже просила прощения.

– И не один раз, между прочим, – встрял в разговор Страус. – Так что можешь забыть о ночном инциденте.

И хихикнул.

– Тебя никто не спрашивал, – буркнула библиотекарь. И вновь обратилась к фее: – Так что случилось ночью?

– Показалось, что за мной кто-то следит, – выдавила из себя Ириска.

Говорить о голосе она пока не стала, потому что не была уверена в том, что действительно слышала его, а выглядеть перед друзьями трусихой не хотела.

– Ты уверена? – тут же спросил Страус.

– Почти.

– Ты заплутала на тёмных улицах Дворца... Вокруг – глубокая ночь, поднялся ветер... – Ашуга поправила очки. – Тебе могло показаться.

Ириска бросила быстрый взгляд на Хишу, и тот, отвечая на незаданный вопрос, едва заметно развёл крыльями:

– Месяц живу на острове, никого постороннего не видел.

– Но я ощущала чужое присутствие! – нахмурилась девочка.

– Чьё?

– Не знаю.

– Ты чувствовала тёмную магию?

– Нет.

Страус и Бронерожка переглянулись, и фея поняла, что ей не поверили.

– Я не лгу!

– Тебе могло показаться, – мягко произнёс Дикий.

– Дворец прекрасно защищён, – добавила библиотекарь. – Ведь это дом Непревзойдённых, самых непримиримых врагов Плесени.

– Самые непримиримые – это мы, Дикие Страусы!

– Так что не волнуйся, Ириска, чужих здесь нет. – Ашуга поправила очки и хохотнула, и никто из присутствующих не понял, что она не так спокойна, как пытается показать.

– То есть вы уверены в том, что на острове безопасно?

– Конечно, уверена! Ведь я работаю здесь уже двести лет.

– Целых двести? – не удержалась девочка. – Правда?

– Правда, – кивнула Бронерожка. – И мы с тобой уже встречались, маленькая Непревзойдённая.

– Вы, наверное, меня учили? – кисло осведомилась Ириска.

– Учила.

– Я была отличницей?

– Завтра мы продолжим твоё обучение, – пообещала Ашуга, не ответив на вопрос. – Раз ты всё забыла, нужно срочно навёрстывать упущенное.

– Но...

– Завтра приступаем к занятиям! – не терпящим возражений тоном заявила библиотекарь, и девочка поняла, что крепко влипла.

* * *

Обычно, точнее – раньше, когда Двор Непревзойдённых процветал и в Коралловом Дворце кипела жизнь, по ночам он становился едва ли не прекраснее, чем днём.

Над крышами водили хоровод луна и звёзды, ярко освещались бесчисленные окна домов и башен, всюду зажигались разноцветные фонарики, а огромный Океан украшал себя сонмами морских светлячков. Создавалось впечатление, что Коралловый Дворец никогда не спит и всегда что-то празднует.

Но так было раньше.

Нет, Дикий Страус, безусловно, с удовольствием бы веселился по ночам, однако делать это ему было не с кем: строгая Ашуга ложилась спать не позже одиннадцати и категорически запретила птице шуметь. Они ужинали, желали друг другу спокойной ночи и расходились. Конечно, Ашуга не могла помешать Страусу резвиться на другом конце острова, но одному Хише было скучно и приходилось тоже ложиться спать. Или бродить по берегу, мечтая о новых приключениях, что обязательно случатся после возвращения Ириски.

Или просто сидеть, наслаждаясь растворившимся во тьме простором и солёным ветром.

Хише было скучно, но он терпеливо ждал.

И вот Ириска вернулась. Они пробыли вместе целый день, говорили не переставая, делясь впечатлениями, рассказывая, чем занимались в прошедшие дни и просто рассказывая что-то, потому что настоящим друзьям всегда есть чем поделиться. Дикий услышал о жизни на даче, о строительстве плота, о приключениях на пруду и о том, что Полика ничего не помнит о Прелести. Совсем-совсем ничего. В ответ поведал о строгой и занудной Ашуге, от которой ему приходилось прятаться по всему острову, и последних сплетнях ПрелеСети.

Они говорили, гуляли – Ириска вновь изучала и вспоминала остров, – и снова говорили. А сейчас уставшая девочка отправилась спать, и Страус оказался предоставлен самому себе. Он помыл оставшуюся после ужина посуду – сегодня была его очередь, – затем приготовил

всё для завтрака, чтобы не тратить время утром, затем прогулялся к южному склону острова и посидел в любимой беседке Тысячи Бабочек, разглядывая едва заметные в ночной тьме рифы и слушая, как мягко сталкиваются с ними полусонные волны.

Насладившись призрачным ночным пейзажем и слегка продрогнув – спасибо принесшему прохладную свежесть ветерку, – Хиша побрёл было к себе, но увидел свет на Учёной террасе, поднялся на неё и обнаружил погружённую в чтение толстой книги Ашугу.

И разумеется, не удержался от шутки:

– Тренируешься?

– Что? – не поняла библиотекарь, переведя взгляд на Страуса. – В смысле?

Если шутку приходится объяснять, значит, шутка не удалась. Дикий знал эту нехитрую истину и никогда не разжёвывал собеседникам остроты, но с Ашугой следовало вести себя иначе: она любила всё знать и понимать и не отставала, пока не докапывалась до сути.

Хиша мысленно проклял свой длинный язык и принялся уныло переводить шутку на понятный неостроумной Бронерожке язык:

– Ну, завтра ты возвращаешься к учительству...

– К преподаванию, – машинально поправила птицу библиотекарь.

– А я как сказал?

Ашуга вздохнула:

– Продолжай.

– Во-от... И я подумал, что ты решила потренироваться в чтении перед началом учебного года.

Ашуга вздохнула снова.

– Неужели я не прав? – невинно поинтересовался Страус.

В ответ библиотекарь посмотрела на Дикого так, словно прицеливалась рогом куда-то в район клюва, и вздохнула в третий раз.

– Ты никогда от себя не устаёшь?

– Напротив: наслаждаюсь каждым мгновением, – не стал скрывать Хиша. – Мне со мной хорошо.

– А окружающим?

– А окружающим со мной ещё лучше, потому что весь мир делится на тех, кому я нравлюсь, и тех, кто меня обожает.

– Это невозможно, – простонала Ашуга.

– Есть ещё враги, но они всё время куда-то деваются, – продолжил Дикий. – Как Захариус Удомо, например: раз – и подевался. И больше о нём никто никогда не услышит. А почему? Потому что меня нельзя не любить, а если кто меня не любит или вообще вредит мне или моим друзьям, на того обрушиваются грандиозные неприятности, и в мире снова остаются только те, кому я нравлюсь, или кто меня любит. – С этими словами Страус подошёл к креслу библиотекаря и осведомился: – Что читаешь?

– Книгу, – машинально ответила Ашуга.

– С картинками?

– Э-э... – она не находилась с ответом.

– Я тоже читал книгу, – припомнил Хиша. – Твоя интересная?

Дикий ожидал, что Бронерожка снова вспылит и начнёт ругаться, но она, к большому удивлению Страуса, в очередной раз вздохнула, медленно провела лапой по раскрытым страницам и негромко спросила:

– С тобой можно говорить серьёзно?

– Конечно, – Дикий деловито щёлкнул клювом. – Неужели об этом нужно спрашивать?

– А совсем серьёзно? По-настоящему серьёзно?

По тону библиотекаря Страус понял, что шутки закончились, нахмурился и плюхнулся в соседнее кресло:

– Что случилось?

– Ты никому не расскажешь о нашем разговоре?

– А кому я должен не рассказать?

– Я не хочу тревожить Ириску раньше времени, – после паузы произнесла библиотекарь.

– Ты взволнована, – заметил Страус.

– Дело вот в чём... – Ашуга поправила очки. Она была не просто взволнована: она нервничала. – Сегодня, когда Ириска спросила о безопасности Дворца, я вспомнила, что...

Бронерожка покачала головой.

– Ну?

– В общем...

Ещё одна пауза.

– У нас всё плохо? – насторожился Страус.

– Не очень хорошо, – попыталась сгладить проблему Ашуга.

– Говори как есть.

– У нас нет охраны.

– Как?! – Хиша так резко подскочил в кресле, что во все стороны полетели пух и перья. – Как это получилось?

– Помнишь, Дворец ненадолго обратился в мираж? – осведомилась библиотекарь.

– Когда из-за Звезды Забвения Ириска почти потеряла память?

– Да.

– Помню.

Страус вернулся в кресло, однако его крылья продолжали подрагивать.

– Когда Коралловый Дворец обратился в мираж, защитные заклинания перестали действовать, – объяснила Ашуга. И постучала по толстой книге: – В настоящий момент я пытаюсь узнать, как их снова включить.

– Ты вспомнила о защите только сейчас? – возмутился Дикий. – Когда о ней заговорила Ириска?

– Извини, забыла, – библиотекарь сняла очки и принялась их протирать. – Если тебе интересно, то мне стыдно.

– Стыдно?! Да за эти дни сюда могла пробраться тысяча чудовищ! – перья на голове Страуса вновь начали топорщиться. – Миллион кровожадных тварей! Меня могли погубить!

– Птица, успокойся. Никого тут нет.

– Откуда ты знаешь? Дворец же не охраняется! Я в опасности!

– Как ты смог совершить все те подвиги, которые тебе приписывают? – спросила Ашуга, возвращая очки на место.

– Потому что всегда предполагал самое худшее и был готов к любым неприятностям, – ответил Страус и язвительно добавил: – В отличие от некоторых.

– Ты безумен.

– Ты можешь включить охранные заклинания?

– Я как раз читала нужную книгу, и если бы ты не мешал...

– Почему ты ничего не делаешь? Читай учебники, изучай правила! Сделай нам защиту! Спаси нас! А я...

Дикий резко поднялся с кресла.

– Спрячешься где-нибудь? – с иронией уточнила Бронерожка.

– Отыщу Ириску, – хладнокровно ответил Хиша. Он наконец-то стал серьёзен, и Ашуга увидела перед собой того Страуса, который совершал подвиги. – Кто-то должен о ней позаботиться.

* * *

А вот сегодня Дворец не выглядел мрачным или чужим. Совсем нет.

Во-первых, теперь девочка твёрдо выучила дорогу к своему домику. Во-вторых, узнала, как включаются фонари, и ярко осветила все те места, где собиралась побывать. А точнее – по которым собиралась прокатиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.